

вѣроятно, этому, онъ теряетъ расположеніе короля, его лишаютъ пенсіи, и въ 1684 году онъ умираетъ всѣми забытый.

Искусство Корнейля какъ въ сценическомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніяхъ не является чѣмъ-нибудь выдающимся. Въ его произведеніяхъ всегда чувствуется что-то грубое, кричащее. Каждая пьеса его отличается особой сложностью преступленій и цѣлымъ потокомъ реторики, вкладываемой имъ въ уста своихъ сверхчеловѣческихъ героевъ. Онъ не принадлежалъ къ великимъ поэтамъ. Великимъ поэтомъ французской трагедіи является не Корнейль, а Расинъ. Если Корнейль и захватываетъ иногда читателя, то не потому, что его герои носятъ въ себѣ что-нибудь общечеловѣческое, но единственно лишь потому, что онъ умѣлъ красиво воспѣвать героизмъ.

* *

Генрикъ Ибсенъ и Норвегія. Извѣстно, какое громадное вліяніе произвелъ Ибсенъ своими драмами на всю Европу. Онъ создалъ цѣлую школу, множество болѣе или менѣе талантливыхъ подражателей. Выдающиеся писатели носили на себѣ отпечатокъ его направленія и не могли освободиться отъ него. Поэтому самъ собою является вопросъ, насколько велико его вліяніе на своей родинѣ?

Во время юности Ибсена въ Норвегіи господствовало историческое направленіе. Профессоръ Мунхъ, получившій при помощи вѣнскаго архіепископа широкій доступъ въ ватиканскій архивъ, старался пробудить интересъ къ исторіи Норвегіи. Своимъ рвеніемъ на этомъ поприщѣ онъ воодушевилъ молодежь, среди которой былъ и Ибсенъ. Прошлое Норвегіи снова было призвано къ жизни. Вслѣдствіе этого народнаго стремленія къ прошлому своей родины Ибсенъ написалъ свой «Сѣверный походъ». Ибсенъ рассказывалъ впослѣдствіи, что для него было глубокимъ удовлетвореніемъ видѣть, какъ въ Германіи ставили эту драму для ученическихъ спектаклей, чтобы школьная молодежь могла присутствовать на нихъ по самымъ доступнымъ цѣнамъ. Не меньшее впечатлѣніе произвела эта драма и въ Норвегіи.

Въ Христіаніи тогда былъ только одинъ датскій театръ, гдѣ играли только датскіе актеры. Тогдашніе критики заявляли, что сценическое искусство не лежитъ въ природѣ норвежцевъ, но Ибсенъ вмѣстѣ съ Бьернстjerne-Бьернсономъ всѣми силами старались основать норвежскій театръ, что, наконецъ, и удалось имъ. Датскіе театры въ Копенгагенѣ и въ Христіаніи не стали играть «Сѣверный походъ», а маленький норвежскій театръ поставилъ его. Усилія двухъ писателей не пропали даромъ: молодежь, думавшая отдаться повседневному будничнымъ заботамъ, бросила ихъ, чтобы отдаться литературѣ и сценѣ. Такъ было съ писателемъ и критикомъ Христіаномъ Эльбретомъ и выдающимся норвежскимъ актеромъ Сигвартомъ Гундерzenомъ.

Ибсенъ сталъ между тѣмъ могучею національною величиною. Свой интересъ къ исторіи Норвегіи онъ продолжилъ въ «Искателяхъ царства», гдѣ въ первый разъ онъ выказалъ свое громадное дарованіе, какъ драматургъ, но это произведеніе ясно показываетъ, что будущій мастеръ не овладѣлъ еще вполне формою. Здѣсь Ибсенъ ближе подошелъ къ своему времени и провозгласилъ новое ученіе о счастіи. Старое ученіе было эстетическое. Идеаломъ счастливаго считался тотъ, кто собственно ничего не хотѣлъ, счастье же само благопріятствовало ему. У Ибсена же

понятіе о счастіи, выраженное въ «Искателяхъ царства», совсѣмъ иное. Здѣсь счастливъ тотъ, въ игрѣ котораго собрались всѣ требованія времени, такъ что онъ можетъ принять ихъ на себя, сосредоточить на своей личности, сдѣлаться вождемъ своего народа и найти пути тамъ, гдѣ прежде не было выхода. Это было національное произведеніе, призывъ поэта къ своему народу. Подъ покровомъ исторической драмы Ибсенъ выставилъ требованія своего времени, указалъ идеаль того, что должно было вывести его народъ къ лучшему будущему. Ни одно изъ его произведеній не произвело въ Норвегіи такого громаднаго впечатлѣнія, какъ это. Ибсенъ стремился быть только художникомъ, вовсе не хотѣлъ заниматься политикой, и онъ вынужденъ былъ отдаться ей, какъ и всѣ въ Норвегіи принуждены были къ этому. Но онъ не жалѣлъ объ этомъ. Ибсенъ училъ многое требовать отъ тѣхъ, кто хотѣлъ быть вождемъ своей страны, но онъ училъ также свято выполнять свои обязанности, слѣдовать и поддерживать ихъ, если они давали то, что отъ нихъ требовали. И на склонѣ своей жизни онъ увидѣлъ свою страну свободною, предводимою славными вождями, такою, какъ онъ этого хотѣлъ и требовалъ.

«Искатели царства» заставили его порвать связи съ отечествомъ. Требования, выставленные имъ, дали ему крылья свободы, и онъ принужденъ былъ покинуть родину. Но и на чужбинѣ онъ ни одного мгновенія не забывалъ своей страны. Издалека онъ обращалъ къ ней свой голосъ, и голосъ его дѣлался громче и громче. Известно, что и Байронъ, добровольно покинувъ свое отечество, слалъ туда посланіе за посланіемъ, въ которыхъ онъ выставялъ свои требованія, но въ отвѣтъ получалъ одни проклятія. Еще и посейчасъ въ Англіи немало такихъ, которые не считаютъ Байрона своимъ, сыномъ своей земли. Въ Норвегіи же нѣтъ никого, кто бы ни любилъ Ибсена. Онъ жестоко бичевалъ всѣхъ, но въ основѣ его была всегда любовь. Вдали отъ родины онъ никогда не могъ избавиться отъ ея вліянія, въ немъ навсегда осталась та закваска, которая дѣлала его національнымъ, народнымъ писателемъ, близкимъ сердцу каждаго норвежца. Въ Норвегіи нѣтъ никого, кто бы ни находился подъ его вліяніемъ, и это можно сказать про всѣ круги: студенты, рабочіе, женщины, крестьяне. Не рѣдкость встрѣтить странствующихъ комми-вояжеровъ, которые никогда не забываютъ, укладывая свои вещи, положить въ нихъ экземпляръ «Перъ Гинта», чтобы вечеромъ читать его, а крестьянскіе парни въ своихъ общинахъ обсуждаютъ тѣ мѣста изъ его «Привидѣній», гдѣ фру Альвингъ рассказываетъ Освальду объ его отцѣ:

«И это-то дитя радости жизни должно было жить среди большого города, который вмѣсто радости предоставлялъ ему только удовольствія. Для него не было здѣсь цѣли жизни, была только служба. Вмѣсто работы по сердцу, которой онъ могъ бы отдаться всеми своими помыслами, у него были только дѣла. Вмѣсто друга, который бы могъ вмѣстѣ съ нимъ понять, прочувствовать радость жизни, у него были одни сослуживцы да собутыльники».

Такія вещи заставилъ Ибсенъ обсуждать деревенскую молодежь, и это показываетъ, какое значеніе онъ имѣетъ у себя на родинѣ.